

Религиозная ситуация на Русском Севере в исторической ретроспективе (XIII - XIX вв.)

Религиозная жизнь региона, традиционно именуемого Русским Севером, была весьма разнообразной и многоплановой на протяжении всего тысячелетнего временного отрезка освоения и заселения этой окраинной северной земли славянами. За десять веков своей истории Русский Север пережил несколько периодов, связанных с трансформацией религиозной жизни населения, соперничеством или сосуществованием различных конфессиональных направлений, оказавших решающее влияние на формирование религиозно-мифологических и мировоззренческих стереотипов как русского населения края, так и неславянской части постоянных жителей региона. Говоря об этой части населения, мы имеем в виду не только коренные народы, издавна населявшие эти края, но и представителей других национальностей, поселившихся на Севере в XVI - XIX вв. в силу различных исторических причин и внесших собственные краски в создание того сложного исторического полотна, которое мы называем религиозной жизнью Русского Севера. Уникальность Поморья как объекта историко-религиоведческого изучения состоит, в первую очередь, в том, что на примере этой территории мы можем проследить едва ли не все наиболее заметные процессы и явления религиозной жизни, характерные для российского государства в целом и получившие на Севере некоторые знаменательные особенности, представляющие для исследователя огромный интерес. Среди таких общероссийских процессов, заметно повлиявших на историю северного региона, достаточно назвать христианизацию северных народов в период освоения Заволочья славянами, монастырскую колонизацию края, противостояние никоианского и старообрядческого

направлений православия, формирование атмосферы конфессионального плюрализма и веротерпимости в городах края, населенных значительными по численности неправославными религиозными общинами. Совершенно очевидно, что явления и процессы религиозной жизни часто оказывали решающее влияние на исторические судьбы края, определяя траекторию его развития. В связи с этим совершенно неправомерными кажутся попытки историков и краеведов недавнего прошлого показать историю Русского Севера вне связи с его религиозной жизнью. Подобные попытки напоямали ситуацию, когда автор, целенаправленно вырвавший из своего труда несколько имеющих принципиальное значение глав, пытается убедить читателя в содержательной полноте своей книги. Эти вырванные страницы иногда пытались издавать отдельно, придав им идеологический оттенок атеистической пропаганды, без применения которого нельзя было и думать о публикации историко-религиозных материалов (1). В настоящей статье мы не ставили перед собой задачи создания полного очерка истории религиозной жизни Севера, осознавая, что тема эта слишком многогранна и объемна, а степень ее серьезной научной изученности не слишком высока. Серьезные изменения последних лет позволили исследователям повернуться лицом к историко-религиозным проблемам, что дает нам надежду на появление в скором будущем по-настоящему объективных и глубоких научных трудов, восполняющих этот историографический пробел. Мы же попытаемся наметить основные, как нам кажется, исторические вехи, очерчивающие лишь общий контур религиозной жизни края в прошедшие столетия и позволяющие взглянуть на современную конфессиональную ситуацию в Архангельской области через призму знаний о прошлом.

Русский Север пережил на своем долгом историческом пути несколько последовательно сменявших друг друга моделей религиозной жизни, предполагавших главенствующее положение одной из религий в обществе на определенном временном отрезке, но не вытеснявших иные

религии из сферы духовной жизни населения полностью. Древнейшая из таких моделей - языческая, характерная для коренных жителей северного региона в период, предшествовавший русской колонизации, сохранилась в малоизмененном виде или в форме отдельных пережитков до наших дней, но период ее безраздельного господства окончился в эпоху освоения Заволочья новгородцами и суздальцами в XII-XIV вв. На ее смену славянскими переселенцами-христианами была принесена традиционная для России православная религиозная модель, предполагавшая миссионерскую деятельность среди неславянского населения края, то есть постепенное вытеснение языческих верований и язычества как религиозной системы из жизни Русского Севера.

Утверждение на Севере следующей модели религиозной жизни - ноликонфессиональной - началось в XVI-XVII столетиях в связи с расширением торгово-дипломатических связей с иностранными государствами и трагическим расколом русского православия в эпоху иконовских реформ. Смена моделей религиозной жизни общества естественно несла с собой болезненный элемент религиозной враждебности и нетерпимости, выражавшийся в самых разных формах, но тот факт, что ни одна из форм религиозной жизни не была вытеснена с исторической сцены полностью, свидетельствует об имеющихся в крае традициях конфессионального плюрализма.

Дославянский языческий Север, населенный карелами, "чудью белоглазой", "самоядь", лопарями и "югрой", известен нам более всего по легендарным сказаниям и археологическим материалам, крайне скудно освещающим проблемы религиозной жизни этих народов. Большая часть исторической информации о северном язычестве тех далеких столетий черпается нами из весьма лаконичных сообщений летописей и агнографических сочинений, посвященных распространению христианства среди северных племен. Данщики Великого Новгорода, объезжавшие

подвластные новгородцам земли, нередко брали с собой православных священников, совмещая исполнение государственных обязанностей с вовлечением язычников в христианство. "Поппи" упоминается среди спутников Яна Вышатича, объезжавшего Белоозеро в 1073-1074 гг., поп Иванка Леген - в отряде воеводы Ядрея, ходившего в Югру в 1193 г. Северные народы относились к православному миссионерству по-разному. Так, вычегодская пермь и часть двинской чуди отчаянно сопротивлялись христианизации, а белозерская весь приняла христианскую религию спокойно. Характерным средневековым христианизационным приемом является замена традиционных языческих святилищ вновь построенными православными храмами. Обнаруженное В.О.Ключевским в библиотеке Соловецкого монастыря сказание о постройке первой церкви на Белоозере, относящееся к XI-XII вв., повествует о постройке храма для новокрещенцев на месте древнего языческого капища и о чудесном потоплении каменного идола в реке в момент освящения церкви (2). По мнению историка и археолога И.А.Макарова, "в XIII веке победа христианства на Севере перестает быть формальной победой официальной идеологии, - многие языческие верования и обряды действительно уступают место христианским"(3). Это суждение можно признать справедливым по отношению к славянскому населению Севера и финно-угорским племенам Белозерья и Вологодчины. Христианизация же более северных территорий - Подвигья, Карелии, Беломорья, Мурмана - активно продолжалась и в последующие века.

Наиболее эффективным инструментом распространения христианства на северных землях явилась монастырская колонизация края, несколькими волнами охватившая гигантские территории от Урала до западной Карелии и от Вологодчины до Кольского полуострова и самоедских тундр. Первая - древнейшая - попытка укоренения монашеских обителей на землях Поонежья и Заволочья была инициирована из Новгорода Великого, кровно

заинтересованного не только в хозяйственном, но и в культурно-религиозном освоении колониальных северных территорий. Первые монахи-отшельники переселялись из Новгорода на острова Ладожского и Онежского озер и в Каргопольские земли в XIII-XIV вв. Здесь процесс православной христианизации сталкивался со встречным движением со стороны католического Запада. Так, в 1349 г. шведский король Магнус повелел проводить крещение жителей Приладожья и южной Карелии по католическому обряду (4). Одновременно сопротивление православию оказывали и местные финно-угорские племена, видевшие в христианизации прямой путь к полному подчинению новгородской гегемонии на Севере. Жития основателей первых монастырей (Сергия и Германа Валаамских, Кирилла Челмогорского, Лазаря Муромского и др.) рассказывают нам о "страшных сыроядцах", язычниках из племен лопарей и чуди, изгонявших православных отшельников из своих земель и противившихся строительству храмов (5). Расширение области монастырской колонизации постепенно приводило к тому, что племена, наиболее активно отвергавшие христианство, вынуждены были отселяться все дальше на север или в труднодоступные районы. Нужно отметить, что образ жизни северян (как славянского, так и финно-угорского происхождения), занимавшихся охотой, рыболовством, морскими промыслами, не располагал к быстрому усвоению норм и догматов христианской религиозной жизни. Редкое средневековое северное поселение имело приходской храм и грамотного священника. В такой исторической обстановке именно монастыри взяли на себя роль центров культуры, служивших окрестному населению приходской церковью и местом успокоения в старости и болезнях, средоточием книжного знания и различных искусств, опорным пунктом духовной и светской власти. Именно такую многоплановую роль стали играть монашеские обители, появившиеся на Севере в ходе второй колонизационной волны XIV-XV вв. Инициатором ее выступили ученики и последователи Сергия Радонежского и Московского

митрополита Алексия, видевшие в создании новых обителей не средство полного уединения от мирских сует, а способ служения людям. Основанные ими монастыри широко открывали свои ворота перед каждым, кто тянулся к святыням, к просвещению, к духовному самосовершенствованию. Среди известных монастырей, основанных в этот период, можно перечислить Михайло-Архангельский, Николо-Корельский, Соловецкий, Александро-Ошевенский. В мощных волнах монастырской колонизации, распространявшихся с территории Московского княжества, растворились более скромные по масштабам колонизационные усилия новгородского духовенства. Наиболее яркий пример, иллюстрирующий участие Новгорода в монастырском освоении Севера, - основание Шенкурского Иоанно-Богословского монастыря посадником Василием Степановичем в середине XV столетия. Процесс монастырской колонизации края завершился в основном лишь ко второй половине XVII в., что означало фактическую победу православной модели религиозной жизни в регионе. Число обителей, распространившихся по просторам Севера вплоть до берегов Ледовитого океана, к этому времени достигло 50-60 (не считая многочисленных монастырей Вологодчины и Белоозера).

Очевидно, что подобная разветвленная сеть монастырей и приходов требовала организации системы церковного управления. С древнейших времен главой церковной власти на Русском Севере являлся Новгородский архиепископ (с 1589 г. глава Новгородской епархии носил сан митрополита), а его представителем в Заволочье, занимавшимся непосредственным церковным управлением в крае, был двинской владычный наместник. Однако по наиболее важным вопросам церковной жизни духовенство Севера вынуждено было обращаться в Новгород. За всю древнюю историю Севера известен лишь один случай посещения новгородским архиереем северных окраин епархии - в 1445-1446 гг. архиепископ Евфимий Вязицкий объехал Заволочье, благословив строительство многих новых храмов и монастырей.

Огромные размеры Новгородской епархии стали причиной ее дробления, начавшегося еще в XIV-XV вв. Первой самостоятельной епархией Севера стала в 1383 г. Пермская, охватившая земли Коми-края и Приуралья. После ликвидации новгородской независимости Великим князем Иваном III в 1471 г. из состава Новгородской епархии были выведены земли по Пинеге и Мезени, отошедшие под непосредственное управление Московского митрополита. В 1492 г. Иван III повелел соединить вологодские земли с Пермской епархией, образовав огромную Пермско-Вологодскую епархию. В 1571-1584 гг. Вологодские епископы временно управляли почти всей Двинской и Важской землей, которые в это время выводились из подчинения Новгороду. В 1613-1617 гг., когда Новгород находился под властью шведов, такая временная передача осуществлялась повторно. На рубеже XVI-XVII столетий на короткий период была образована Карельская епархия, ликвидированная после захвата значительной части Карелии шведами. Начиная с середины XVII в., духовные и светские власти Московского государства делали неоднократные попытки учреждения на огромных пространствах Русского Севера нескольких новых епархий, не зависящих от старых церковных центров края - Новгорода и Вологды. Предполагалось образовать 9 новых епископских кафедр - в Великом Устюге, Холмогорах, Каргополе, Белоозере, Устюжне, Олонец, на Ваге, Мезени и в Кевроле Пинежской (6). Вопрос о срочном изменении системы церковного управления северными землями активно обсуждался в связи с усложнением всей религиозной ситуации в крае. Вовлечение Севера в активный торгово-дипломатический и культурный обмен со странами Европы способствовало проникновению сюда иных конфессий, что воспринималось церковной иерархией как нежелательный и весьма опасный процесс, которому необходимо было противопоставить более активную политику православия. Еще более усложнил ситуацию церковный раскол середины XVII столетия, превративший Беломорье в арену открытой

борьбы официальной церкви с различными старообрядческими движениями и сектами. Характерно, что проект учреждения новых северных епархий обсуждался на Московском церковном Соборе 1667 г., судившем патриарха Никона в присутствии восточных патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского. Предполагалось, что первым Холмогорским епископом станет Соловецкий архимандрит Варфоломей, вызванный в столицу еще в 1666 г. по случаю начавшегося в монастыре старообрядческого восстания (7). Однако, несмотря на положительное решение Собора, фактического учреждения новых северных епархий не состоялось. Предполагаемые огромные материальные затраты казны на новые архиерейские кафедры, озабоченность правительства силовым подавлением соловецкого мятежа и амбиции новгородских митрополитов, не желавших уменьшения собственной епархии, на многие десятилетия затормозили процесс образования самостоятельных епархий на Русском Севере. Практически дело ограничилось возвращением в ведение новгородских архиереев в 1674 г. пинежских и мезенских земель, находившихся еще с XV столетия под непосредственным управлением Москвы. Только в 1682 г. патриарх Иоаким вернулся к плану создания северных епархий, ограничившись, правда, учреждением только двух - Холмогорско-Важской и Устюжско-Тотемской. С этого момента на территории Севера постоянно функционировали несколько епископских кафедр. К началу XIX в. границы епархий полностью совпали с границами трех северных губерний - Архангельской, Вологодской и Олонецкой.

До XVIII в. местные епископы и архиепископы Севера управляли подвластными им территориями при помощи мощного аппарата, состоявшего из архиерейских приказов, дьяков, детей боярских и десятских поцов. Бывали случаи, когда настоятель крупного монастыря становился наместником епископской власти в регионе. Так в XVII столетии настоятели Антониева-Сийского монастыря были доверенными лицами

патриархов Филарета, Никона и Иоакима . В 1720-30-е годы система управления епархиями была коренным образом реформирована. При епископах были созданы консистории. Во главе этих канцелярско-управленческих органов стоял местный епископ, привлекавший к работе консистории настоятелей крупных монастырей. Однако аппарат чиновников руководился секретарем, назначаемым обер-прокурором Св.Синода из Петербурга. Подобная структура управления епархиями родилась как часть секуляризационных реформ петровского времени, и фактически свидетельствовала о полном подчинении церковных институтов светской государственной власти.

Холмогорская архиерейская кафедра была весьма заметной и авторитетной в общероссийском масштабе. Достаточно вспомнить, что первый северный архиепископ Афанасий Любимов пользовался огромным уважением царя Петра, который имел намерение возвести Афанасия на патриаршую кафедру. Однако пребывание на епископской кафедре в Холмогорах (с 1762 г. - в Архангельске) считалось трудным и хлопотным. И дело не только в огромных масштабах и сложном климате епархии, а, в большей степени, - в наличии больших групп неправославного населения, непростые отношения с которыми официальной церкви необходимо было поддерживать постоянно, дабы не утратить контроля над религиозной ситуацией в обществе.

Первые черты оформления поликонфессиональности на Русском Севере проявились в связи с расширением торгово-дипломатических связей со странами Европы и появлением в регионе постоянных поселений иноземцев, исповедовавших протестантизм. Как известно, Иван Грозный, в царствование которого начал активно функционировать северный морской торговый путь в страны Запада, проявлял известную лояльность к протестантским направлениям христианства, рассматривая их как антикатолическую силу, косвенно способствующую разрушению папской

гегемонии в западном мире. Именно Грозный позволил осевшим в Москве "немцам" построить в 1575-1576 гг. на берегу реки Яузы первую в России протестантскую церковь (8). Однако соприкосновение православия и протестантизма на Севере произошло еще раньше. Начиная с 1553 г. английские купцы, приходившие к "гавани Св. Николая" и Холмогорам (позднее - в Архангельск), посещали русские храмы и монастыри, совершали свои религиозные обряды на кораблях и в домах, принадлежавших английской торговой компании. Интересно, что степень религиозного шпорализма самих англичан была столь высока, что они делали вклады в русские монастыри, заказывали молебны об удачном плаваньи и хоронили своих умерших на монастырских кладбищах (9). Постепенно небольшие колонии англичан и голландцев сформировались в Холмогорах, Коле, Архангельске. С XVII в. ряды иностранных жителей Севера стали пополняться немцами, шведами и норвежцами, приезжавшими в Россию с коммерческими целями или для заведения собственного ремесленного дела. Архангельская иноземная слобода была официально признанным правительством анклавным поселением иностранцев, наряду с аналогичными слободами Москвы, Новгорода, Вологды и Ярославля. Официального разрешения на проведение протестантских служб в архангельской немецкой слободе власти не давали, но и домашние богослужения не запрещались ввиду того, что иноземная слобода пользовалась известной внутренней автономией. Зимой 1649 г. архангельским протестантам удалось удержать от отъезда в Москву голландского пастора Кравинкеля, открывшего в городе евангелическо-реформатский приход и школу. После отбытия пастора в столицу обязанности по устройству богослужений были возложены на кистера-учителя и пресвитеров. Только в 1660 г. архангельским голландцам удалось выписать со своей родины пастора Виллема Костеруса, ставшего постоянным священником их прихода. В 1674 г. кальвинисты построили

на берегу Северной Двины первую деревянную кирку, в которую, по свидетельству Балтазара Койзта, участника голландского посольства 1675-1676 гг., в торговое время собиралось много молящихся. Второй голландский пастор Абрахам Урсинус служил в Архангельске только летом, а зимой уезжал в иноземные слободы Вологды и Ярославля. Сменивший его в 1685 г. Иоаннес Равенсберг жил уже исключительно в Архангельске, сделав приход постоянно действующим.

Вслед за голландцами собственный приход начали создавать и немецкие обитатели Русского Севера. В 1686 г. из Гамбурга был приглашен пастор Шредер, начавший строительство в Архангельске лютеранской церкви и основавший приходскую школу. Появление в городе второго иноверческого прихода весьма озаботило архиепископа Афанасия, жаловавшегося царям Ивану и Петру на вредное влияние, оказываемое иностранными богослужениями на русских жителей Архангельска, которые "во время мольбы к их киркам приходят и пения их слушают" (10). Православный архиепископ призывал правительство запретить всякое общение иноземцев с русскими. Однако дело разрешилось компромиссом: запрет на использование русской прислуги был наложен только на тех иноземцев, которые действительно были уличены в неуважении к православию. В дальнейшем, когда Афанасий лично познакомился с Петром I и стал активным проводником его европеизаторских реформ, отношение архиепископа к иноверцам стало максимально терпимым и доброжелательным, совершенно в духе петровской политики. Если при вступлении на кафедру в 1682 г. Афанасий торжественно клялся, "что не общитися ему с латыны и с люторы, и с калвины, и со иными еретики, и не оставити во всем ево пределе ни единого православнаго с ними сообщатися" (11), то после кончины архиерея, при избрании его преемника, сам Петр красноречиво определил сущность новой религиозной политики по отношению к иным конфессиям на Севере: "Холмогорская епархия у знатного

морского порту, где бывает множество иностранных областей иноземцы, с которыми дабы тамошний архиерей мог обходиться по пристойности прилично, к чести и славе Российского Государства (якоже и прежде бывший Афанасий архиепископ со изрядным порядком тамо поступал)" (12).

Богослужение велось в реформатской церкви на голландском языке, а в лютеранской - на немецком. В период навигации в порту поднимался специальный флаг, приглашавший моряков в протестантские храмы, а зимой богослужения велись в теплых пасторских квартирах. Иноверцы, жители Архангельска, избирали церковные советы при своих приходских храмах. Оба лютеранских прихода просуществовали до 1817 года, когда Александр I удовлетворил просьбу протестантов г. Архангельска об учреждении объединенной евангелической религиозной общины, которую возглавил пастор Иоганн Арнольд (Иван Захарович) Брюннинг.

Со второй половины XVII столетия еще одной стороной религиозной жизни северного региона становится старообрядчество, возникшее как результат церковной реформы патриарха Никона. Наиболее ярким выступлением против официальной никонианской церкви и правительственной религиозной политики явилось соловецкое восстание 1667-1676 гг., получившее молчаливую поддержку значительной части населения Поморья, особенно в бывших вотчинах Соловецкого монастыря. Другим центром пропаганды старообрядчества в 1667 г. стал заполярный Пустозерск, бывший местом ссылки наиболее авторитетных расколуучителей протопопа Аввакума, дьякона Федора, Лазаря и Епифания. Из своего заключения ссыльные пересылали через Мезень письма родным и единомышленникам, активизируя распространение старообрядческой идеологии по всему Северу. Уцелевшие после разгрома Соловков в 1676 г. войском воеводы Мещеринова участники бунта рассеялись по северным лесам, став инициаторами процесса ухода староверов в леса и самосожжений. Крупнейшими центрами старообрядчества стали маленькие монастыри

Карелии - Сунарешкий и Курженский, а позднее - Выговский. В 80-е годы XVII в. северное старообрядчество начало раскалываться на несколько течений, отличных как по идеологии, так и по распространенности. Беспоповцы федосеевского толка устроили несколько массовых самоожожений в южной Карелии и на западном берегу Белого моря в 1682-1692 гг. (13). Наиболее распространенным толком северных старообрядцев-беспоповцев стал Поморский, рожденный в Выговской пустыни замечательными религиозными писателями и мыслителями Андреем и Семеном Денисовыми. За весьма короткий промежуток времени скиты староверов покрыли все отдаленные уголки Севера - от Карелии до Печоры. Официальная церковь и правительство нещадно боролись с проявлениями раскола, устраивая вооруженные экспедиции в скиты, облагая староверов двойным подушным налогом, рассылая их для "увещания" по монастырям. Только во второй половине XIX в. было прекращено официальное преследование староверов в Российской империи. В том же столетии официальная православная церковь сделала попытку постепенного примирения со староверами, учредив так называемые единоверческие приходы. В Архангельской епархии единоверчество получило распространение в Карелии и Западном Беломорье, на Печоре и в Кудьмозерье близ Архангельска. Однако полного примирения двух ветвей православия так и не произошло. В начале XX века даже пришлось учреждать кафедру викарного епископа в западной части епархии для миссионерской деятельности среди раскольников и борьбы с проникновением протестантизма из Финляндии.

XIX столетие принесло на Север еще целый ряд религий, не имевших ранее распространения в нашем крае. Нужно отметить, что эти религии носили "городской" характер, то есть появились и существовали лишь в Архангельске и нескольких уездных городах, связанных с крупными торговыми операциями и размещением войск. Так, в 1828 г. в Архангельске

английские кушцы образовали англиканский приход, построив на месте сгоревшей реформатской кирки свой храм. В 1833 г. вторую англиканскую церковь открыли в Соломбале, куда в летнее время приходило множество английских торговых судов.

После польского восстания 1830-1831 гг. в составе архангельского гарнизона появилось много военнослужащих католического вероисповедания (поляков и литовцев). 31 октября 1837 г. военное ведомство назначило в 3-й округ внутренней стражи польского ксендза Юшкевича, который постоянно жил в Петрозаводске, но должен был посещать архангельский гарнизон, военные госпитали, Ширшинские военные заводы и Новодвинскую крепость. После ходатайства военного губернатора А.И. де-Траверсе в 1845 г. Николай I перевел католического священника Вендиевича из Петрозаводска в Архангельск. По данным военного губернатора, в то время в губернии было около 400 католиков в морском ведомстве, 600 католиков - в сухопутном военном ведомстве и более 100 - в гражданской службе. Первоначально богослужения проводились в Кузнечевских казармах, но в 1861 г. военное ведомство построило костел на территории бывшего Гостиного Двора. В 1896 г. усилиями военного капеллана ксендза Болеслава Филипповича военное ведомство возвело новый костел на углу Троицкого проспекта и Олонечкой улицы.

Иудейская община существовала в Архангельске еще с XVII в., но, ввиду крайне негативного отношения властей к иудаизму, еврейское купеческое сообщество города никогда не афишировало своих религиозных обрядов. Косвенным свидетельством существования иудейской общины может быть наличие в Архангельске старинного еврейского кладбища. Видимо архангельский гарнизон периодически посещался в XIX в. штатным военным раввином, должность которого была упразднена Департаментом военных поселений 15 ноября 1853 г. С этого времени городская иудейская община избирала общественного раввина, первым из которых был Давид

Захаревич (ум. в 1857 г.). Выборы общественных раввинов контролировались губернским правлением, которое активно вмешивалось в дела общины. В 1899г. на средства купца И.Бичдера в городе была выстроена синагога.

Появление исламской религиозной общины в Архангельске также связано с усилиями военного ведомства по удовлетворению религиозных потребностей служащих. С середины XIX столетия военные чины архангельского гарнизона, исповедующие ислам, избирали из своего числа имама, подчиненного военному ведомству и Оренбургскому магометанскому духовному правлению. Первым известным нам имамом был рядовой 19-й портовой роты Мансур Иммухаметов, уволенный в отставку в 1854 г. Еще до возведения в городе мечети недалеко от православной части Кузнечевского кладбища был отведен участок для мусульманских захоронений. В начале XX в. в центральной части Архангельска была выстроена деревянная мечеть.

На этом мы завершаем общий исторический обзор религиозной ситуации на архангельском Севере до 1917 г. В XX век Север вступил в состоянии относительного религиозного плюрализма и веротерпимости. Позитивный опыт сосуществования различных конфессий на этой территории оказался невостребованным, а, точнее - перечеркнутым, всеми последующими событиями. Чтобы подтвердить этот тезис, достаточно привести один красноречивый факт: в 1920 г., вскоре после вступления Красной армии в Архангельск, в течение нескольких дней оказались закрытыми все иноверческие и большая часть православных храмов.

Примечания:

1. Артамонов Д.С. Северные церковники на службе у царизма. - Архангельск, 1940.
- Зайцев В.А. Беломорский Север. Религия. Свободомыслие. Атеизм. - Архангельск: Сев.-Зап.кн.изд-во, 1993.

2. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн.1. - М.: Мысль, 1993. - С.270-271.
3. Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. - М., 1993. С.129.
4. Толстой М.В. История Русской церкви. - Валаам, 1991. - С.221.
5. Козмин Н. Распространение христианства среди русских лопарей (исторический очерк). - Архангельск, 1900. - С.2-9.
6. Камкин А.В. Православная церковь на Севере России. Очерки истории до 1917 года. - Вологда, 1992. - С.97.
7. Заринский М. Иерархи Архангельские и Холмогорские.// Справочная книжка Архангельской губернии на 1852 год. - Архангельск, 1852. - С.156.
8. Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI-XVII веках.//Сочинения в 2-х томах. - СПб., 1994. - Т.2. - С.520.
9. Шаляпин С.О. Никольский причал.// Летописец Севера: историко-краевед. сб. - Архангельск, 1990. - С.28-29.
10. ЧОИДР. - 1883. - Кн.3. - С.89.
11. Там же. - С.91.
12. ЧОИДР. - 1883. - Кн.1. - С.16.
13. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. - М., 1995. - С.445.